

Сарчин Рамиль Шавкетович

НА ПУТИ ОБРЕТЕНИЯ ЛИРИЧЕСКОГО ГОЛОСА: СТИХОТВОРЕНИЯ ФАТИХА КАРИМА "УРАМНАН" ("ПО УЛИЦЕ"), "БАКЧАЧЫ КЫЗЛАР" ("ОГОРОДНИЦЫ"), "ГАРМУН ТУРЫНДА" ("О ГАРМОНИ")

В статье, в связи с необходимостью системно-целостного исследования творчества Фатиха Карима, ведётся анализ образцов его лирики конца 20-х - 1930-го годов - в период, когда шло формирование лирического голоса поэта. Их изучение показывает, что процесс творческой эволюции художника шел в сторону выражения "живого" человеческого чувства, к лирической сокровенности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/5-2/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. II. С. 162-165. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Беловинский Л. В. Российский историко-бытовой словарь. М.: Студия «ТРИТЭ» – «Российский Архив», 1999. 528 с.
2. Бентковский И. В. Гребенцы // Опальные русские писатели открывают Кавказ: антология в 3-х т. / под ред. В. А. Шаповалова, К. Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2010. Т. 2. 761 с.
3. Быт и культура народов Северного Кавказа / под ред. В. К. Гарданова. М., 1968. 349 с.
4. Виноградов Б. С. Этнографический материал в повести Л. Н. Толстого «Казак» // Советская этнография. 1957. № 3. С. 33-43.
5. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 79. Оп. 1.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М: Русский язык, 1978-1980.
7. Заседателева Л. Б. Терские казаки (сер. XVI – начало XX века): историко-этнографические очерки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. 421 с.
8. Караулов М. А. Говор гребенских казаков // Материалы для этнографии Терской области. СПб., 1902. 112 с.
9. Монгайт А. Л. Старая Рязань. М.: Академия наук СССР, 1955. 228 с.
10. Попко И. Д. Терские казаки с стародавних времен: ист. очерк. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1880. Вып. 1. Гребенское войско. 517 с.
11. Ржевуский Л. А. Терцы: сб. ист., быт. и геогр. стат. сведений о Терском казачьем войске: в 4-х т. / сост. А. Ржевуский. Владикавказ, 1888. 287 с.
12. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. М. – Л., 1965-1966. Вып. 1-2; Л., 1968-1991. Вып. 3-26; СПб., 1992-2010. Вып. 27-43.
13. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. / под ред. В. И. Чернышева. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965.
14. Словарь церковно-славянского и русского языка / сост. Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1847. Т. I-IV.
15. Токарев С. А. Этнография народов СССР: ист. основы быта и культуры. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. 615 с.
16. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935-1940.
17. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Художественная литература, 1935-1964. Т. 6. 313 с.
18. Успенский Н. В. Издалека и вблизи: избр. повести и рассказы / сост., вступ. ст. и примеч. С. И. Чупринина. М.: Сов. Россия, 1986. 397 с.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1986-1987.
20. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М.: Русский язык – Медиа, 2004.

THE LEXICAL-SEMANTIC GROUP “HABITATION” IN THE STORY “THE COSSACKS” BY L. N. TOLSTOY

Savin Sergei Andreevich

Sholokhov Moscow State University for the Humanities

savin-1984@yandex.ru

The article is dedicated to the peculiarities of a lexeme use, denoting the types of habitation of the Mountain Cossacks in the story “The Cossacks” by L. N. Tolstoy. The basic lexemes are highlighted: “khata”, “mazanka”, “izba”. The meanings (meaning components) of lexemes are revealed on the basis of description correlation, found in the story (its draft copies), dictionary data and other research sources. A special attention is paid to the determination of correctness of parallel use of lexemes by the author, having one and the same structure, from the position of usage and language codification.

Key words and phrases: lexical-semantic group “habitat”; the Mountain Cossacks (Grebenskiye Kazaki); customary usage; correctness of parallel use of lexemes; type of habitat; khata; mazanka; izba; word meaning.

УДК 82.0

Филологические науки

В статье, в связи с необходимостью системно-целостного исследования творчества Фатиха Карима, ведётся анализ образцов его лирики конца 20-х – 1930-го годов – в период, когда шло формирование лирического голоса поэта. Их изучение показывает, что процесс творческой эволюции художника шел в сторону выражения «живого» человеческого чувства, к лирической сокровенности.

Ключевые слова и фразы: татарская поэзия конца 20-30-х годов XX века; творческое формирование; творческая эволюция; лирика; лирический; лиризм.

Сарчин Рамиль Шавкетович, к. филол. н.

г. Казань

rsarchin@yandex.ru

**НА ПУТИ ОБРЕТЕНИЯ ЛИРИЧЕСКОГО ГОЛОСА:
СТИХОТВОРЕНИЯ ФАТИХА КАРИМА «УРАМНАН» («ПО УЛИЦЕ»),
«БАКЧАЧЫ КЫЗЛАР» («ОГОРОДНИЦЫ»), «ГАРМУН ТУРЫНДА» («О ГАРМОНИ»)[©]**

Среди ранних произведений Фатиха Карима, написанных в 1927-1930 гг., многие из которых вошли в его первую книгу «Башлангыч жыр» («Начальная песня», 1931), особняком стоят стихотворения «Урамнан»

(«По улице», 1928), «Бакчачы кызлар» («Огородницы», 1929), «Гармун турында» («О гармонии», 1929), которые, применимо к лирике этого периода, можно считать несомненными творческими удачами молодого поэта, так, к сожалению, и не нашедшими своего переводчика. А первые два ни разу не подвергались литературоведческому анализу. Более того – из этих трёх стихотворений только стихотворение «Огородницы» включалось Фатихом Каримом в сборники его стихотворений, а «По улице» и «О гармонии» лишь однажды были опубликованы в журналах, после чего поэт к ним уже не возвращался, что вполне объяснимо той атмосферой идеологической «зашоренности» эпохи, которая не позволяла даже авторам произведений увидеть их в чистом свете, дать им истинную оценку. Ни одно из этих произведений не вписывалось в рамки царствующей тогда «классовой» литературы «социального заказа», не оставлявшей места творческой свободе и «внутренней теме» художника, казалось бы, «социально» не обусловленной.

Стихотворение «Урамнан» было опубликовано в № 10 журнала «Авыл яшьләре» («Сельская молодёжь») за 1928 год. Оно открывается зарисовкой утреннего пейзажа, полного покоя и умиротворения. Размеренный ритм стихотворения внутренне мотивирован его содержанием, соответствует изображённой в ней картине: тишине рассвета, мерному журчанию родника и покачиванию дерева, убаюкивающегося в объятиях нежного ветра. Ничто, казалось бы, не в состоянии разрушить этот «вечный покой», в полной гармонии с которой пребывает душа автора, погружённая во вселенскую тайну природы. Но и в ней, словно проблески утренней росы, едва уловимо проступают нотки грусти, выражающие тоску поэта по чему-то неизведанному. Не тоска ли это по родной деревне, образы которой зримо воплощаются в дальнейшем течении стихотворения: «Хәбибулла агай таңнан торып // Сөяп йөри ауган читәнен. // Кәжә бәтиә шуннан файдаланып // Чәйнәм йөри аның итәген. // Мин урамнан... // Бер таң кызы // Суга бара алып чиләген. // Ургып аккан // Салкын шул чишмәдә // Жырлы-жырлы юар беләген». / «Дядя Хабибулла, встав с рассветом, // Поправляет накренившийся плетень. // Козлёнок, пользуясь этим, // Жуёт его подол... // Одна утренняя девушка // Идёт с ведром по воду. // В бурливом // Холодном роднике этом, // Напевая, омоет руку»¹ [3, с. 206].

Здесь уместно высказать предположение о том, не образы ли рано ушедших из жизни брата (возможно, отца) и сестры Фатиха Карима стали прототипами этих персонажей стихотворения. На фоне их в полном одиночестве выступает фигура автора, душа которого охвачена, словно зарёй край небосвода, томительным «огнём» тоски, наглядным свидетельством чему являются строки, в своём тесном соседстве сопрягающие заревой пейзаж с внутренним состоянием лирического героя: «Таң тынлыгы уйга калдыра, // Офыкларны кояш яндыра». / «Тишина рассвета погружает в думу, // Солнце воспламеняет небосвод» [Там же]. После этих строк естественна лирическая экспрессия финальных оптимистических аккордов стихотворения, выражающих глубину переживаемого автором.

Но, несмотря на то что стихотворение завершается утверждением свойственного молодости оптимизма, тревога и беспокойство, отражающие, в слиянии с чувствами счастья от полноты ощущения жизни, гармонии с ней, внутреннюю противоречивость сердечных движений автора, всё-таки сохраняются. И произведение в целом воспринимается как «пейзаж» души поэта, а заявленная в заглавии «улица» становится своеобразной метафорой самых потаённых «проулков» его внутреннего мира.

Как и стихотворение «Бакчачы кызлар» («Огородницы»), написанное годом позже и впервые опубликованное в № 9 1929 г. журнала «Азат хатын» («Свободная женщина»), впоследствии включённое автором в ряд поэтических сборников 1930-х гг.: «Башлангыч жыр» («Начальная песня», 1931), «Яшен яктысы» («Свет молнии», 1934) и «Таныш бу күзләр» («Знакомые эти глаза», 1936). Выполненное в лучших традициях жанровой живописи, известной как художественное изображение сцен повседневной жизни, оно начинается со «сцены», представляющей лирико-психологический по своему характеру пейзаж родных сердцу поэта просторов.

Появление в конце этой части образов «девушек-колхозниц», работающих на огороде, настраивает на восприятие дальнейшего, «ожидаемого», течения стихотворения, которое, казалось бы, должно быть решено в идейно-тематическом ключе «индустриально-колхозных», «строительных» произведений тех лет с неизбежным прославлением «социалистического» труда как высшего завоевания человечества. Но, вводя мотив труда, поэт не «выставляет его напоказ», а словно «запрятывает» в подтекст, ничуть не снижая его «актуальности», но в то же время, не сковывая себя «трудовой» тематикой, в духе поэзии тех лет полной высокой одичности и публицистического пафоса. И далее перед нами не «сцена» труда колхозниц, а наоборот – их отдыха.

В заключительной «сцене» перед читателем встаёт картина, образно и эмоционально созвучная полотнам о купающихся женщинах Поля Сезанна или современника Фатиха Карима А. А. Дейнеки: «Кич. // Бик ерактан салмак кына // Ай үрмәли тауның башына, // Кызлар эштән туктый, // Өс-баш алмашалар // Иркәләп айның каршында». / «Вечер. // Издалека неторопливо // Месяц взбирается на вершину горы, // Девушки прекращают работу, // Переодеваются, // Нежась перед взором месяца» [Там же, с. 218]. Мы не случайно упомянули выше названных художников. Пейзаж, нарисованный поэтом, столь же «импрессионистичен» в выражении чувств и переживаний автора, как и картины французского живописца. А персонажи стихотворения также олицетворяют физическую, жизненную силу, как и героини Дейнеки. Не случайно там и здесь превалирование красного цвета и его оттенков, словно «маркированных» белым (невольно вспомнишь о фразеологизме «кровь с молоком»). Общим же во всех произведениях является культ красоты, женственности, юности, воспеванием чего и заняты творцы.

¹ Здесь и далее построчные переводы стихов поэта с татарского выполнены автором – Р. С.

Красота творящейся картины в «Бакчачы кызлар», полной изысканной пластичности и нежного колорита, словно излита в мелодике стихотворения, гармонический строй которой поддержан ассонансно-аллитерационными парами «глубоких» рифм. Их «аукающиеся» друг с другом и с голосами девушек звуки передают неповторимую «музыку» души поэта: *Димемэ-билемэ, талларның-алланып, үренэ-күренэ, өстенэ-үстерэ, сизелэ-сизелэ, чачелэ-чаченэ, башына-каршында, тегендэ-тебендэ*. Подобный приём звукописи станет одним из излюбленных в поэтике автора.

Завершая анализ стихотворения, укажем ещё на одну особенность: текст его рубрицирован, каждая часть пронумерована. Чем вызвана такая «строгость»? Возможно, объясняется это следующим. Каждая часть (кстати, завершённая по своей целостности), представляет собой отдельный «кадр» воспоминаний поэта: о природе Дёмы, о девушках и ещё о чём-то, чему, в силу его целомудренности, ни названья, ни имени нет (как у «невыразимого» Ф. И. Тютчева). Такова, на наш взгляд, «внутренняя», «личная», «сокровенная» тема стихотворения, достигающая своей «вершины» в его финальных строках, в виде эмоционально-смыслового итога отделённых от предшествующего текста отточием: «Ә Дим калды бер ялгызы, // Тик ай йөри аныэ төбендә». / «А Дёма осталась одна, // Только месяц ходит по дну её» [Там же].

Столь же одинок и лирический герой, при всей реалистичности и «внешнем» характере изображённого оказывающемся, подобно романтическому герою, на переднем плане произведения, которое есть ничто иное, как сплошное выражение состояния внутреннего мира поэта. Так что и здесь мы имеем дело с «пейзажем» души, и рассматриваемое стихотворение – один из ранних, но ярких образцов лирико-психологических произведений поэта-романтика.

Типологичным для поэтики стихов Фатиха Карима является то, что они, выражая интимные, самые сокровенные мысли и чувства автора, вырастают на «земном», «кровно пережитом» материале, с реалистической детализацией образов. Но их идеалистическая сущность возносит поэтическую мысль в горние сферы высокой романтики. Так в лирике молодого поэта сплетаются две стилевые тенденции – романтическая и реалистическая, формируя своеобразие его поэтического стиля.

Взаимодействие двух стилевых тенденций, но здесь уже реалистической и символической, мы можем видеть и в стихотворении «Гармун турында». При жизни поэта оно было опубликовано лишь однажды – в № 1 1930 г. журнала «Яналиф». Больше к произведению поэт не обращался, причиной чему, по мнению З. М. Мазитова, данному им в комментариях к первому тому цитируемого нами трёхтомника [Там же, с. 309], резкая критика, которой оно подверглось сразу же после публикации. Свою солидарность с учёным высказал и профессор Ф. Г. Галимуллин в докладе «Атмосфера двадцатых-тридцатых годов и Фатих Карим», сделанном на научно-практической конференции, посвящённой столетию поэта [1]. Здесь же он в первый и единственный раз в истории каримоведения обратился к анализу стихотворения «О гармонии», дав ряд ценных замечаний и комментариев. Но, несмотря на глубокое понимание стихотворения, отражённое в работе Ф. Г. Галимуллина, вне сферы его анализа остались главные примечательные особенности произведения.

Прежде всего, нужно отметить органическое влечение в текст стихотворения народно-песенных мотивов. Во-первых, они помогают выразить одну из ключевых его идей: о том, что песня – едины, что без песни поэзия невозможна, поскольку является необходимым условием творчества: «Кайда минем // Шаулы йөрәк, // Киң тугайны жырлап гизмәгәч, // Кайда минем шагыйрьлегем, // Тальян гармун моңын сизмәгәч». / «Где моё // Беспокойное сердце, // Если я не брожу с песней по заливным лугам, // Где мой поэтический талант, // Если не чувствую напева тальянки!» [3, с. 219]). В песне, как известно, находят выражение самые сокровенные, утончённые, тайно-интимные мысли, переживания, чувства человека, их вольное изъяснение, формирующие её особую лиричность, естественность интонации. Но ведь в этом и смысл поэзии – как бы хочет сказать автор, стоящий у истоков традиции обращения татарских поэтов к народно-песенному наследию своего народа. В этом смысле само творчество Фатиха Карима является истоком и образцом для последующих за ним поэтических поколений – вплоть до наших дней. О функционировании народно-песенных мотивов и «музыкальной» образности в произведениях наиболее значительных представителей современной татарской поэзии – Роберта Миннуллина, Разиля Валеева и Равиля Файзуллина, формирующих такую её типологическую особенность, как песенность, мы писали в ранее опубликованных наших статьях [5; 6].

Возвращаясь к стихотворению, отметим, что основным художественным принципом в нем выступает параллелизм: за внешним планом постоянно проступает план внутренний. Этому способствует, конечно, и «сквозное» – не в виде отдельных тропов, а как основное положение, художественная установка – олицетворение, «очеловечивание» гармонии, являющейся главным героем произведения. Но когда мы читаем о ней, перед глазами встаёт образ поэта, всё соотносится с ним: «Их, ул гармун, // Тальян гармун // Һәр йөрәкне үзенә алдыра, // Ярсу йөрәкләрнең // Мәхәббәтен // Киң кырларда мәңге калдыра... // Бөтен дөнья белән сөйләшә, // Аның йөрәге – // Безнең йөрәк, // Ул хисләрен безгә өлшә». / «Эх, эта гармонь, // Тальянка-гармонь // Каждое сердце притягивает к себе, // Безумных сердец // Любовь // Навечно оставляет на широких полях... // Говорит со всем миром, // Её сердце – // Наше сердце, // Она делится своими чувствами с нами» [3, с. 222]. Эти строки воспринимаются как поэтическая декларация – о самом сокровенно-личном, проникнутом тоской и по сельской гармонии, и по настоящему творчеству. Так реалистический образ гармонии, выражая «живую душу» автора, становится символом поэтического творчества. Достигнуть подобного рода чистого лиризма и глубокого обобщения поэту, в силу пока ещё неполноты его творческой зрелости и литературного официоза, идеологической зашоренности того времени, удаётся лишь в отдельных строках и стихотворениях. Но многие поэтические открытия, сделанные им в начале творческого пути, определяют своеобразие его поэзии в зрелые годы.

Подводя итоги анализа наиболее художественно состоятельных произведений Фатиха Карима, созданных в ранний период творчества, каковыми нам представляются стихотворения «Урамнан», «Бакчачы кызлар» и «Гармун турында» – этапные на пути обретения поэтом своего лирического голоса, можно утверждать, что его художественный вкус, чутьё, мастерство всё более совершенствуются, причём движение идёт в сторону «сердечности», лирической сокровенности, выражения теплоты и естественности человеческого чувства.

Список литературы

1. **Галимуллин Ф. Г.** Атмосфера 20-30 гг. и Фатих Карим // Фатих Карим – поэт и воин: мат-лы межрегиональной науч.-практ. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения Фатыха Карима (19 мая 2009 г.). Казань: ИЯЛИ АН РТ, 2009. С. 6-15.
2. **Карим Ф.** Избранные стихи и поэмы / пер. с татар.; под ред. С. Липкина. Казань: Таткнигоиздат, 1957. 220 с.
3. **Кәрим Ф.** Әсәрләр: 3 т. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1979. 1 нче том. Шигырьләр. 318 б. (Карим Ф. Произведения: в 3-х т. Казань: Татарское книжное изд-во, 1979. Т. 1. Стихотворения. 318 с.)
4. **Мәжитов З. М.** Фатих Кәрим: Тормыш һәм ижат юлы турында очерк. Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. 177 б. (Мазитов З. М. Фатих Карим: очерк жизненного и творческого пути. Казань: Татар. кн. изд-во, 1963. 177 с.)
5. **Сарчин Р. Ш.** Истоки лирики Роберта Миннуллина: к вопросу о формировании художественного мира поэта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18). Ч. 1. С. 172-175.
6. **Сарчин Р. Ш.** Музыкально-песенные мотивы в татарской поэзии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29). Ч. 1. С. 143-145.
7. **Сарчин Р. Ш.** «Поэтические» истоки творчества Фатиха Карима [Электронный ресурс] // Концепт. 2014. Приложение 20. «Современные научные исследования. Выпуск 2». URL: <http://e-koncept.ru/2014/54266.htm> (дата обращения: 17.12.2014).

**HEADING TOWARD FINDING THE LYRIC VOICE:
POEMS BY FATIKH KARIM “УРАМНАН” (“ALONG THE STREET”),
“БАКЧАЧЫ КЫЗЛАР” (“MARKET GARDENER”), “ГАРМУН ТУРЫНДА” (“ABOUT ACCORDION”)**

Sarchin Ramil' Shavketovich, Ph. D. in Philology
Kazan
rsarchin@yandex.ru

In the article, because of the necessity of the system-holistic research of Fatikh Karim's creative work, the analysis of his lyrics of the end of 20s – 1930s is conducted – in the period when the lyric voice of the poet was being developed. Their studying shows that the process of the creative evolution of the artist had a tendency to express “live” human feeling and the lyric secrecy.

Key words and phrases: the Tatar poetry of the end of 20-30s of the XX century; creative development; creative evolution; lyrics; lyric; lyricism.

УДК 82.0

Филологические науки

В статье на примере анализа ранних стихов Фатиха Карима, вошедших в его первую поэтическую книгу «Начальная песня», рассматриваются их художественно-эстетические особенности, среди которых выделяются идеализация действительности, романтическая идеализация и гиперболизация образа лирического героя и «положительных» персонажей, романтический пейзаж, предельная экспрессивность поэтической речи.

Ключевые слова и фразы: лирика; традиция; романтизм; идеал; идеализация; романтический герой; романтический пейзаж; гиперболизация; художественное пространство.

Сарчин Рамиль Шавкетович, к. филол. н.
г. Казань
rsarchin@yandex.ru

**ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИРИКИ ФАТИХА КАРИМА
ПЕРИОДА «НАЧАЛЬНОЙ ПЕСНИ» (КОНЦА 20-Х – 1930-ГО ГГ.)[©]**

В основе эстетического идеала большого корпуса произведений Фатиха Карима, написанных им в период творческого становления – до времени ареста поэта в 1938 году, лежит принцип идеализации действительности, согласно которой он творил свою художественную реальность. А формироваться этот принцип начал уже в годы раннего творчества – в стихотворениях, составивших первую поэтическую книгу Фатиха Карима «Башлангыч жыр» («Начальная песня»), изданную на яналифе в 1931 году [2].